

Мустафа и его ближние (Дорошевич)

Мустафа был мудрый человек.

Он сказал себе:

— Человек, который ищет истины, — похож на человека, которого томит нестерпимая жажда. Когда человека томит жажда, он должен пить воду, а не плевать.

Поэтому Мустафа больше слушал, чем говорил. Он выслушивал одинаково всех. Тех, кого считали умными. И тех, кого считали глупыми.

Почём знать: кто умён, а кто, в действительности, глуп?

— Если светильник едва мерцает, — это не значит, что в нём нет масла. Часто светильник едва горит, потому что переполнен маслом и ещё не разгорелся.

Всякого, кто хотел вступить с ним в беседу, Мустафа спрашивал:

— Не знаешь ли ты чего-нибудь об истине? Расскажи мне.

Однажды, когда Мустафа, задумавшись, шёл по дороге, навстречу ему попался старик дервиш. Дервиш сказал Мустафе:

— Добрый день, Мустафа!

Мустафа взглянул на него с изумлением: он никогда не видел этого дервиша.

— Откуда ты меня знаешь?

Дервиш улыбнулся и, вместо ответа, спросил:

— Что ты делаешь, Мустафа?

— Ты видишь, что я делаю! — ответил Мустафа. — Я иду.

— Я вижу, что ты сейчас идёшь. А что ты делаешь обыкновенно? — спросил дервиш.

Мустафа пожал плечами:

— Что делают обыкновенно все. Хожу, сижу, лежу, пью, ем, торгую, ссорюсь с женой.

Дервиш улыбнулся хитро:

— Но что ты делаешь, Мустафа, когда ты ходишь, сидишь, лежишь, пьёшь или ешь, когда торгуешь, ссоришься с женой?

Поражённый Мустафа ответил:

— Я думаю: что такое истина? Я ищу истины.

— Ты хочешь знать, что такое истина? — все улыбаясь, продолжал дервиш.

— Из всего, что я знаю, я знаю наверное, что это знать я хочу больше всего.

— Истина? Это — наш затылок.

— Как так? — спросил Мустафа.

— Она при нас, около, но мы её не видим.

— Я не понимаю этого! — сказал Мустафа.

Дервиш подал ему драгоценное кольцо.

— Вот тебе ключ к разгадке. Отдай это кольцо самому далёкому от тебя человеку. И ты поймёшь.

И сказав это, свернул с дороги и исчез в кустах прежде, чем Мустафа успел опомниться. Мустафа поглядел на перстень.

Поистине, он никогда не видал более драгоценной вещи. Ни таких камней, ни такой величины, ни такой игры! Мустафа сказал себе:

— Это нетрудно сделать!

Он взял денег, сколько мог, и отправился в путь. Он переехал на верблюдах через знойную, мёртвую, раскалённую пустыню, каждое мгновение рискуя сорваться и разбиться насмерть, переправился через ледяные горы, переплыл много широких и быстрых рек, прошёл дремучими лесами, раздирая кожу об острые ветви, переехал, чуть не потерпев крушение, через безбрежный океан и, наконец, очутился на краю света.

И сожжённый солнцем, и обмёрзший, и израненный, не похожий на себя.

Среди покрытых вечным снегом полей. Там царила вечная ночь.

И только звёзды горели над ледяной пустыней. Среди снежного поля, закутанный в меха, сидел, весь дрожа, перед костром человек и грелся.

Он был так погружён в свои думы, что не заметил, как подошёл Мустафа, как Мустафа сел к костру и стал греться.

— О чём ты думаешь? — спросил, наконец, Мустафа, прерывая молчание человека, закутанного в меха.

И странно прозвучали слова в ледяной пустыне, где молчало всё от сотворения мира.

Человек, закутанный в меха, вздрогнул, словно проснувшись от сна, и сказал:

— Я думаю: есть ли что-нибудь там...

Он указал на небо:

— За звёздами!

— Если там нет ничего, — продолжал закутанный в меха человек, словно рассуждая сам с собой, — то как же я глупо провожу свою жизнь! Часто мне хочется сделать это или то, — но меня останавливает мысль: а вдруг «там» есть? И я отказываюсь от того, что доставило бы мне удовольствие. Каждый день я трачу два часа на молитву, и плачу, и рыдаю, и сердце моё бьётся так, как не бьётся больше никогда. И вдруг там ничего нет? Мне жаль не истраченного времени. Мне жаль даром пролитых слёз, мне жаль биений моего сердца. Этим слезам и этому биению сердца нашлось бы лучше место на земле.

И человека, закутанного в меха, передёрнуло от негодования и отвращения при мысли:

— А вдруг там ничего нет?

— А если там есть?

И его передёрнуло от ужаса:

— Тогда, как ужасно я провожу свою жизнь! Только два часа в день я делаю то, что нужно делать. Если здесь не кончается всё, и жизнь только начинается там? Тогда на что, на какой вздор, на какой ничтожный, бессмысленный вздор трачу я все остальные часы моей жизни!

И при свете костра, словно освещённое здесь на земле пламенем ада, увидел Мустафа искажённое от нестерпимой муки лицо человека, который смотрел на звёзды со стоном:

— Что же есть истина? Есть ли что-нибудь там?

И звёзды молчали.

И так страшен был этот стон, и так страшно было это молчание, — что дикие звери, глаза которых, словно искры, горели во тьме, дикие звери, прибежавшие на звук голосов, поджали хвосты и в ужасе отошли.

С глазами, полными слёз, Мустафа обнял человека с лицом, искажённым страданием:

— Брат мой! Мы страдаем одной болезнью! Пусть твоё сердце слушает биение моего. Они говорят одно и то же.

И сказав это, Мустафа с изумлением отступил от человека.

— Я прошёл вселенную, чтоб увидеть самого далёкого от меня человека, — а нашёл брата, почти что самого себя!

И Мустафа с грустью спрятал драгоценный перстень, который хотел уже было надеть на палец человека, сидевшего перед костром среди ледяной пустыни.

— Куда ж ещё идти? — подумал Мустафа. — На звёзды я не знаю пути!

И решил вернуться домой.

Жена встретила его криками радости:

— Мы уж думали, что ты погиб! Скажи же, какие дела завлекли тебя так далеко от дома?

— Я хотел узнать, что такое истина.

— А зачем тебе это нужно?

Мустафа с изумлением взглянул на жену. Он рассказал ей о встрече с дервишем и показал драгоценный камень.

Жена чуть не лишилась чувств:

— Какие камни! Она всплеснула руками:

— И эту вещь ты хотел отдать?

— Самому далёкому от меня человеку.

Лицо жены пошло пятнами.

Она схватилась за голову и завопила таким голосом, какого ещё никогда не слышал от неё Мустафа:

— Видели вы дурака? Он получает драгоценнейший перстень! Камни, которым нет цены! И вместо того, чтобы подарить своей жене, тащится через весь свет, чтобы бросить это сокровище — кому? Самому далёкому от него человеку! Словно камнем в чужую собаку! Зачем небо создало такого дурака, если не затем, чтоб наказать его жену?! Горе мне! Горе!

И вдруг Мустафа увидел, что между ними расстояние больше, чем до самой маленькой звезды, которая едва видна.

Мустафа с улыбкой подал жене драгоценный перстень дервиша и сказал:

— Да. Ты права.

И весь день ходил, улыбаясь. И записал:

«Истина — это наш затылок. Здесь, около. А мы не видим».

Мустафа потом получил блаженство на небе.

Но не на земле.